Богословие как благодарение. Выступление митрополита Илариона на торжественном акте в Московской духовной академии 14 октября 2011 года

Ваши Высокопреосвященство и Преосвященства, всечестные отцы, дорогие братья и сестры!

Прежде всего хотел бы поздравить вас с праздником Покрова Пресвятой Богородицы - престольным праздником академического храма - от имени Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, который сегодня пребывает с Первосвятительским визитом в Калининграде. Он просил меня передать вам свое благословение, приветствие, поздравление с праздником и пожелание процветания Московским духовным школам.

Для меня лично большая честь и радость по благословению Святейшего Патриарха возглавить сегодня праздничную литургию и торжественный акт в Московских духовных школах.

Московская духовная академия дорога моему сердцу. Она дорога мне как alma mater, как место, где я учился и преподавал богословие, где провел, пусть и недолго, очень счастливое и духовно насыщенное время моей жизни. Но более всего она дорога мне, как и нам всем, – как большая келья в обители смиренного чтителя Пресвятой Троицы, игумена земли Русской, Аввы Сергия.

Именно здесь, в «Доме Пресвятой Троицы», мы соприкасаемся с богословием в его исконном христианском понимании как *опыта* – опыта боговидения, тайнозрения, созерцания тайны Пресвятой Троицы. Это традиционное духовное понимание богословия замечательно выражено в молитве, помещенной в начале трактата Дионисия Ареопагита «О таинственном богословии»: «О пресущественная, пребожественная и преблагословенная Троица, христианского богомудрия наставница! Вознеси нас на неведомую, пресветлую и высочайшую вершину познания Священнотайного Писания, где совершенные, неизменные и подлинные таинства Богословия открываются в пресветлом Мраке тайноводственного безмолвия, в котором при полнейшем отсутствии света, при совершеннейшем отсутствии ощущений и видимости наш невосприимчивый к (духовному) просвещению разум озаряется ярчайшим светом, преисполняясь пречистым сиянием!»**[1]**.

Мне часто приходилось слышать от учащихся и учившихся в Московских духовных школах о том совершенно особом духовном подъеме и радости, которые сопровождали их, когда они принимали

решение поступить в семинарию. Я испытал это и на своем опыте. Думаю, что и у большинства здесь присутствующих был такой опыт.

Что из года в год влечет сюда молодых людей? Зачем они приходят в духовную школу? Неужели только для того, чтобы читать учебники и получать оценки? Или только для того, чтобы получить диплом, дающий право «работать» священнослужителем или церковным регентом? Конечно, нет. Уверен, что всех нас привел в Лавру особый духовный опыт, чудо и таинство встречи с Богом и исходящее из этого опыта горячее стремление служить Богу и Его Церкви.

Нам всем довелось в свою меру пережить и осознать, что на земле нет большего счастья, чем встреча со Христом, жизнь в общении с Ним и в послушании Ему. Именно Христос – не столько даже Его учение, сколько Его живая личность, незримо, но ощутимо присутствующая в Церкви – привлекает к христианству тысячи и миллионы людей. Невозможно стать христианином, не полюбив Христа, не проникшись величием и красотой Его богочеловеческого облика, не полюбив Церковь, явившую миру великий сонм подвижников, мучеников, исповедников, святителей и преподобных.

Троице-Сергиева Лавра и находящаяся в ней Духовная школа оказались тем местом, куда звало нас наше сердце, куда рвалась наша душа. Ведь все мы надеялись, что в духовной школе мы сможем возрастать в любви ко Христу и Его Церкви, в богопознании и благодарении, в молитве Господу и Его великому угоднику преподобному Сергию.

К сожалению, состояние духовного подъема, сопровождающее поступление в семинарию, у многих со временем проходит или притупляется. Почему это происходит? Иногда говорят, что так и должно быть: на место наивных детских восторгов приходят серьезные, «взрослые» занятия богословием и укрепляющие волю послушания. Полагаю, что в таком объяснении есть лишь некая доля правды.

Действительно, с одной стороны, для семинаристов наступают «церковные будни». Но, с другой стороны, нельзя не признать и того, что горечь этих «буден» усиливается отрывом нашего семинарского богословия от живого духовного опыта Церкви, от того подлинного богословия – богословия опытного, которому с радостью и готовностью можно посвятить свою жизнь.

Да, наше духовное образование несовершенно, как несовершенны, к сожалению, и многие другие стороны нашей церковной жизни, к чему будущим пастырям следует быть готовыми. Но окружающие нас несовершенства и тяготы – это не повод для самооправдания и самоуспокоения. У нас есть все необходимые средства для духовного роста и вхождения в подлинное богословие Церкви.

И главное, центральное из них – *таинство Евхаристии*. Именно Евхаристия соединяет нас со Христом как главой единого церковного Тела, членами которого мы все являемся. Евхаристия открывает тайну Церкви, в ней актуализируется спасительное дело Христово, является сконцентрированная история Спасения – от сотворения мира до грядущего Царства Божия. Евхаристия дает Церкви бытийное и смысловое основание, делает ее уникальным богочеловеческим сообществом. По вере Церкви, именно в Евхаристии она встречает Христа, соединяется с Ним, черпает силы и ведение, общается с Ним и теснейшим образом переживает встречу земного и небесного: встречу с Источником полноценной жизни и непреходящего смысла.

Евхаристия являет собой и наивысшую форму богословия. Именно в Евхаристии богословие оживает и становится тем, чем оно должно быть: таинством молитвы, таинством соборным, хвалой и благодарением. Евхаристия, совершаемая в академическом храме, позволяет учащим и учащимся ощутить себя не «вузом», а общиной, семьей, такими людьми, духовная близость которых превышает близость родства по плоти. Вот почему праздник академии – это в первую очередь Евхаристия, совершаемая в престольный праздник храма академии, того центра, вокруг которого собирается академическая община.

Евхаристия – это абсолютный *дар* Бога человеку, с которым не может сравниться никакой иной дар. В Евхаристии христианин получает Тело и Кровь Христа, Сына Божия, взявшего на Себя грехи мира, умершего за род человеческий и воскресшего в третий день, чтобы открыть возможность каждому верующему в Него достичь обожения и по благодати соединиться со своим Творцом и Спасителем.

На такой Дар нельзя найти адекватного ответного дара.

В человеческом обществе мы привыкли к тому, что в ответ на полученный подарок мы можем найти другой, на доброе дело, нам сделанное, можем ответить добром. И необходимость ответного дара в какой-то степени нас обязывает.

В Евхаристии все иначе. Святые Тайны представляют собой настолько радикальный дар, что ответить на него другим адекватным даром невозможно – это находится за пределами человеческих возможностей. Мы можем отдать Господу всю свою жизнь, но разве может она сравниться с нетварной Божественной жизнью, когда в каждой частичке Святых Христовых Тайн – Сам Христос. И разве может быть наша жертва, даже если мы жертвуем собственной жизнью, адекватным ответом на искупительный подвиг Сына Божия, пострадавшего и умершего на кресте ради нашего спасения, а накануне Своих страданий установившего для нас это великое и неизреченное таинство?

Единственным подлинным ответом на божественный Дар, ответом, который от нас ожидает Бог, оказывается *благодарение*, то есть собственно сама Евхаристия. Благодарение рождается из осознания собственной духовной нищеты, когда человек понимает, что все окружающее его и он сам – творение Бога, что никто из людей не может присвоить себе хотя бы малую частичку этого мира, потому что все создано одним лишь Богом. Только так – осознав предельную духовную нищету – человек может увидеть за данностью мира дар Божий и возблагодарить за него Творца. Только через благодарение мы вступаем в подлинное общение с тварным миром и с Самим Богом.

Вот почему чинопоследование Евхаристии есть высочайшее богословие. Из благодарения рождается и первая форма выражения богословских истин – гимн, или хвалебная песнь. Характерно, что те три выдающихся человека, которые в Церкви получили имя богословов, – апостол Иоанн Богослов, святитель Григорий Богослов и преподобный Симеон Новый Богослов – облекали свое богословие в возвышенные слова и гимны. Так, например, преподобный Симеон Новый Богослов в своих «Гимнах» восклицает, дивясь величию таинства: «[Через Причастие плоти Твоей] меня, человека по природе, Ты соделал богом по усыновлению и по благодати Твоей»**[2]**.

Итак, важнейший аспект богословия, связанный с Евхаристией, – это смиренное приятие Дара и благодарение за Дар: хвала и гимн. Можно без преувеличения сказать, что гимнографическое наследие Церкви по своей сути является богословием.

Но богословие как благодарение предполагает также и *свидетельство* о Даре, о Спасении, совершенном Христом, потому что преисполненный благодарностью человек стремится разделить радость с другими, поведать о полученном даре, ибо «от избытка сердца глаголют уста». (Лк. 6. 45).

Свидетельствовать о Даре может только тот, кто его получил, иначе его свидетельство будет ложным, потому что он будет свидетельствовать о том, чего он не знает. Первыми свидетелями о Христе и о совершенном Им Спасении стали святые апостолы: «И сказал им: так написано, и так надлежало пострадать Христу, и воскреснуть из мертвых в третий день, и проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах, начиная с Иерусалима. Вы же свидетели сему». (Лк. 24. 46-48). Богословие как свидетельство апостолов о словах и делах Господа, о Его Личности, о жизни ранней Церкви становится Священным Писанием Нового Завета. Свидетельство об *опыте* встречи со Христом и благодатной жизни в Церкви также лежит в основе богословия мужей апостольских, апологетов, ранних учителей и святых отцов Церкви, а также отцов-аскетов.

Предание есть непрерывная чреда свидетельств, хранимых Церковью. Богословие как

свидетельство о благодатном опыте невозможно воспринять внешним образом, путем интеллектуального усилия: оно предполагает вхождение в тот же благодатный опыт, предполагает труд веры. Преподобный Симеон Новый Богослов пишет: «Если Бог, соделавшись человеком … обожил меня – человека, которого Он воспринял, то я, соделавшись богом по усыновлению, вижу Бога по естеству, Того, Кого никто из людей никогда не мог, да и совершенно не может увидеть. Те же, которые восприняли Бога делами веры и, быв возрождены Духом, наименовались богами, видят Его Самого – Отца их, всегда обитающего во свете неприступном, имея Его обитателем, живущим в них самих, и сами (взаимно) обитают в Нем – совершенно неприступном. Это есть истинная вера, это дело Божие, это печать христиан, это сопричастие и Божественный залог, это есть жизнь, это царство, это одеяние, это хитон Господень … Когда же ты соделаешься таковым … тогда приди и стань с нами, о брате мой, на горе божественного ведения и божественного созерцания, и мы услышим вместе Отчий глас»**[3]**.

Богословие как опыт жизни в Боге требует серьезных аскетических усилий, постоянного нравственного очищения и непрестанных духовных трудов: «Любомудрствовать о Боге можно не всякому – да! – не всякому. Это приобретается не дешево и не пресмыкающимися по земле! … Любомудрствовать о Боге можно не всем, потому что способны к этому люди, испытавшие себя, которые провели жизнь в созерцании, а прежде всего очистили, по крайней мере очищают, и душу и тело»**[4]**.

Некоторые думают, что столь возвышенное понимание богословия означает, что богословие – удел лишь особо избранных святых. Это неверное понимание. Свидетельство о Христе распятом и воскресшем, о Христе, предающем Свое Тело и Кровь верующим, является основой жизни любого христианина, тем более священнослужителя. *Каждый священник призван быть богословом*, свидетелем о Христе, то есть в некотором роде святым отцом сегодня.

Да, это весьма трудное служение, но не следует забывать и о том, что свидетельство в истории Церкви зачастую скреплялось кровью – вплоть до мученической кончины за Христа. Характерно, что в древней Церкви мучеников за Христа так и называли: «свидетели». Поэтому священник, не желающий приобщиться опыту духовной жизни Церкви, не желающий или не умеющий быть свидетелем Христовым, недостоин своего высокого служения.

Быть богословом сегодня – значит принадлежать Преданию Церкви, быть верным последователем наследия святых Отцов. При этом верность древнему Преданию не означает нечуткости и невнимательности к сегодняшним нуждам и проблемам.

Наряду с богословием, понятым как опытное богопознание, как благодарение и свидетельство, можно говорить и о богословии как *науке* в современном понимании. То есть о таком богословии,

которое стремится описать христианский опыт и христианское наследие с помощью ресурсов и инструментария гуманитарных наук. Хотя богословие в таком качестве появилось в западной христианской среде в Новое время, будет неверным считать, что научное богословие враждебно или совершенно чуждо богословию опытному.

В основе научного богословия лежит способность человека к рациональной мыслительной деятельности, иными словами – разум. Человек стремится постичь окружающий мир и Бога разумом, и в этом проявляется логосность человека, сотворенного по образу Логоса-Слова Божия. Ресурсы человеческого разума в церковной богословской традиции использовались издревле, начиная с отцов-апологетов, а далее отцами, боровшимися с ересями. Достигнутый в ходе борьбы с еретическими идеями догматический синтез стал возможен благодаря активному использованию святыми отцами современных им философии и науки.

Не противопоставляя богословия как опыта, как благодарственного гимна и как живого свидетельства – научному богословию, мы все же должны осознавать надлежащее место богословия как науки. Научное богословие тем самым нисколько не унижается, поскольку основой его также является подлинная реальность и подлинный опыт.

Богословие уникально. Оно включает в себя и науку, и искусство, и практику, и живой опыт, и при этом оно больше всех этих составляющих, поскольку в его основе – опыт Живого Бога, абсолютно превышающего все Им созданное.

Одним из главных искушений европейской науки Нового времени был так называемый редукционизм – стремление свести, редуцировать сложность мира, человека, его духовного бытия и культуры к простому рациональному объяснению. Богословие, ставшее научным по образцу иных гуманитарных наук, также стоит перед опасностью и искушением редуцировать сложность церковного опыта, свести его к простым рациональным объяснениям и схемам. Кроме того, подобно иным наукам, научное богословие, стремясь к объективности, не может использовать в качестве научного аргумента личный духовный опыт ученого-богослова.

Итак, очевидно, что научное богословие не может и не должно претендовать на то, чтобы охватывать собою все богословское пространство. В то же время, если научное богословие рассматривается в качестве инструментального и вспомогательного по отношению к богословию как опыту, оно оказывается полезным и во многих отношениях необходимым.

Так, благодаря научному богословию мы можем изучать церковное наследие, в частности, богословские и литургические памятники Церкви, сопоставлять их с иными памятниками, выявлять контекст и обстоятельства, в которых они создавались, отличать подлинные памятники от

псевдоэпиграфов и т.д.

Одним словом, богословие как наука, то есть научное богословие, за которым сегодня все чаще закрепляется термин «теология», – это важный элемент церковной традиции и церковной жизни, но далеко не исчерпывающий всей полноты богословского предания Церкви.

Научное богословие развивается сегодня в духовных школах Русской Православной Церкви, в частности, в Духовных академиях, в Общецерковной аспирантуре и докторантуре, Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете. В целом ряде светских учебных заведений сегодня открываются богословские факультеты или кафедры теологии, вводятся магистерские программы по богословским дисциплинам. Студенты из России и других стран «постсоветского пространства» имеют возможность обучаться не только в отечественных вузах, но и в университетах и институтах дальнего зарубежья, усваивая все лучшее, что накоплено западной богословской наукой за последние десятителия.

Главным церковным органом, призванным способствовать развитию научного богословия и наблюдать за этим развитием от имени Священноначалия, является Синодальная библейско-богословская комиссия Русской Православной Церкви. Я работаю в этой комиссии с 1996 года, сначала в качестве члена, затем в качестве заместителя председателя. Несколько дней назад решением Священного Синода я был назначен ее председателем, сменив на этом посту Высокопреосвященнейшего митрополита Минского и Слуцкого Филарета, много потрудившегося и продолжающего трудиться для возрождения отечественного богословия и духовного образования.

Хотел бы сказать несколько слов о том, как работает эта Комиссия, и поделиться с вами некоторыми мыслями о ее задачах. Согласно Положению о Комиссии, она является постоянным рабочим консультативным органом Священного Синода Русской Православной Церкви по вопросам вероучительного и богословского характера. В сферу ее ответственности также входит координация научно-богословской деятельности в Русской Православной Церкви.

Основной формой работы Комиссии являются пленарные заседания, созываемые, по традиции, ежегодно.В течение более десяти лет Комиссия выступала инициатором и организатором Общецерковных международных богословских конференций. Мы намереваемся, с учетом накопленного опыта, продолжать эту деятельность, приглашая ведущих специалистов в различных областях богословского знания.

Очень важной задачей Библейско-богословской комиссии является составление нового Катехизиса Русской Православной Церкви. Эта работа была поручена Комиссии Архиерейским

Собором 2008 года**[5]**. Над созданием православного Катехизиса трудится специальная группа авторов и редакторов. Деятельную помощь в работе оказывает Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», являющийся сегодня одним из основных двигателей русской православной богословской и церковно-исторической науки.

Катехизис должен представлять собой фундаментальный, значительный по объему свод вероучительных и нравоучительных истин, а также связанных с ними представлений, к которому православный христианин обращается, чтобы узнать учение Церкви и получить ответы по широкому спектру вопросов. Необходимость создания такого Катехизиса давно назрела, поскольку, как вы знаете, последний официально утвержденный Катехизис Русской Православной Церкви датируется первой четвертью XIX века и далеко не исчерпывает тех вопросов, которые ставит жизнь перед современным христианином. Работая над Катехизисом, мы столкнулись с рядом сложностей. Главная сложность заключается в том, что в вероучении Русской Православной Церкви нет белых пятен и вероучительные истины достаточно легко поддаются описанию языком катехизиса, но что касается нравственности и некоторых вопросов церковной практики, следует отметить: существуют определенные разногласия между отдельными священнослужителями, между отдельными приходами. Наша задача - прийти к некоему общему знаменателю при изложении данных тем. Это очень трудная задача, я не берусь даже сказать, что мы с этой задачей справимся. Но, по крайней мере, мы попробуем это сделать. Сегодня очень важно, чтобы по всем основным вопросам, которые задают люди, у Церкви был официальный, апробированный ответ, чтобы не надо было ходить за советами к одному, другому, третьему священнику, сравнивать, что они говорят, и удивляться, почему они отвечают по-разному. Поэтому составление православного Катехизиса - это одна из очень важных задач, над которыми сейчас работает Библейско-Богословская комиссия.

Одним из важных направлений деятельности Комиссии являются библейские исследования. Комиссия до 2009 года называлась Богословской, а затем стала именоваться Библейско-богословской, в ее состав вошли библеисты из упраздненной тогда же Патриаршей библейской комиссии. Задачи, которые стоят перед этими специалистами по библеистике, очень обширны. Прежде всего, необходимо произвести оценку существующих авторских переводов Библии. Необходимо поставить задачу подготовки новых переводов Библии, в том числе перевод с греческого на русский Септуагинты. Поразительно, что такой перевод никогда не был осуществлен, несмотря на то значение, которое имеет Септуагинта для всей русской богословской и для всей православной литургической традиции. Необходимо создание библейского комментария, включающего несколько уровней: текстологический, историко-археологический, экзегетический, богословский. Необходима, наконец, новая редакция Синодального перевода Библии, который должен быть снабжен современным комментарием, указывающим на основные разночтения в различных версиях как Ветхого, так и Нового Завета.

Одним из важных направлений деятельности Комиссии является диалог богословия и светской науки. Комиссия уже давно ведет такую работу, но ныне, в свете решений последнего Архиерейского Собора, она будет активизирована и приобретет более системный характер. При Комиссии создан Центр междисциплинарных исследований, который устанавливает партнерские отношения с целым рядом светских высших учебных заведений. Содержательное общение с философами и учеными-гуманитариями имеет большое значение для нашей богословской науки. Оно призвано способствовать утверждению научного статуса богословия в целом и отдельных богословских дисциплин в частности.

Дорогие братья и сестры! Сегодня на нашей богословской науке лежит громадная ответственность. Перед ней стоят серьезные задачи общецерковного масштаба. К решению этих задач мы будем привлекать все наличные интеллектуальные и духовные ресурсы Церкви, в том числе преподавателей и студентов духовных школ.

В этот торжественный день, когда Московские духовные школы празднуют свой престольный праздник, я хотел бы обратиться с горячим призывом ко всем присутствующим здесь студентам: *изучайте богословие!* Изучайте его не только рассудком, но и сердцем, не только в семинарских аудиториях, но и за их пределами. Изучайте богословие всем опытом своей жизни, чтобы ваша жизнь была воплощением тех богословских истин, которые на протяжении веков составляли основу бытия Церкви.

Пусть участие в Святой Евхаристии станет основным стержнем вашей духовной жизни. Пусть богословские умозрения апостолов, апологетов, великих отцов и учителей Церкви станут частью вашего личного духовного опыта. Пусть молитвенное предстательство преподобного Сергия сопутствует вам на всех ваших путях. И пусть Покров Пресвятой Богородицы пребывает над всеми вами.

---

[1] *Дионисий Ареопагит*. О таинственном богословии. PG 3 997A-B.

[2] *Симеон Новый Богослов*. Гимн 49.

[3] *Симеон Новый Богослов*. Гимн 47 («О богословии…»).

[4] *Григорий Богослов*. Слово 27 (О богословии первое).

[5] Определение «О вопросах внутренней жизни и внешней деятельности Русской Православной Церкви», п. 21.

Источник: https://mospat.ru/ru/news/55088/